

КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ В 1941-1943 ГГ.)

М.И. ВАРФОЛОМЕЕВА

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: varfolomeeva@bsu.edu.ru

Данная статья посвящена оккупационной политике немецко-фашистской власти на примере территории современной Белгородской области в 1941-1943 гг. Автор использует архивные материалы Центрального Черноземья и Белгородской области, позволяющие выявить характерные черты сотрудничества населения с врагом.

Ключевые слова: оккупационный режим на территории современной Белгородской области. Вынужденное сотрудничество с фашистским режимом.

Великая Отечественная война была и остается на протяжении всех послевоенных лет одной из самых актуальных научных проблем в отечественной и зарубежной историографии. Существуют различные точки зрения на отдельные проблемы истории Великой Отечественной войны, требующие научной обоснованности, объективного подхода в их освещении и оценке. Одной из таких проблем является жизнь гражданского населения на оккупированных территориях, в частности – оккупационная политика агрессора, формы противодействия населения проведению этой политики и, особенно «трудный» вопрос – формы содействия советских граждан оккупационному режиму.

В советской исторической литературе всех, кто сотрудничал с военно-политическими структурами нацистской Германии, было принято изображать только с негативной стороны и одновременно крайне упрощенно. Это, естественно, не способствовало пониманию такого общественно-политического явления, каким был коллаборационизм. В реальности это явление было намного сложнее и на всем протяжении своего существования зависело от целого ряда факторов, которые оказывали на него то или иное влияние.

В наше переломное время появилась возможность по-новому оценивать недавние трагические события отечественной истории. Поэтому, не случайно, в последние годы в отечественной исторической литературе все более востребованной стала проблема изучения коллаборационизма. Авторы раскрывают причины данного явления, показывают сущность коллаборационизма и формы его проявления.

Коллаборационизм (фр. collaboration - сотрудничество) в юридической трактовке международного права - осознанное, добровольное и умышленное сотрудничество с врагом, в его интересах и в ущерб своему государству. Термин чаще применяется в более узком смысле – как сотрудничество с оккупантами. Он стал употребляться лишь в последние годы. До этого использовались такие понятия, как измена Родине, переход на сторону врага, пособничество и др.

М.И. Семиряга определяет коллаборационизм как «сотрудничество с врагом части населения оккупированной страны в политической, военной и социально-экономической сферах во вред своему государству»¹.

В другой фундаментальной работе по рассматриваемому вопросу – одном из трудов Б.Н. Ковалева – автор использует понятие «коллаборационист» из словаря иностранных слов, где оно объясняется: «(от франц. collaboration – сотрудничество)

¹ Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 9.

изменник, предатель родины, лицо, сотрудничавшее с немецкими захватчиками в оккупированных ими странах в годы Второй мировой войны (1939-1945)»².

Дискуссионным является вопрос о формах коллаборационизма. М.И. Семиряга и Б.Н. Ковалев проводят типологию коллаборационизма по сферам деятельности. В соответствии с приведенным определением М.И. Семиряга выделяет политический, военный и социально-экономический коллаборационизм, отдельно М.И. Семиряга рассматривает феномен культурного коллаборационизма.

Б.Н. Ковалева, дает более полную классификацию. Описывает военный, экономический, административный, идеологический, интеллектуальный, духовный, национальный и даже детский и половой коллаборационизм. Анализируя текст работы автора, можно сделать вывод о том, что такая классификация является избыточной, ряд форм пересекаются, более того, почти поглощаются другими формами.

В трудах В.А. Пережогина говорится о военном и гражданском коллаборационизме, отмечая, что гражданский коллаборационизм по большей части носил вынужденный характер, так как у советских людей, особенно в городах, не было другого способа добыть средства существования для семьи³.

М.А. Мамоновым, представляющий собой нечто среднее между подходами выше упомянутых авторов:

– политическое сотрудничество выражалось в создании и функционировании при покровительстве германских властей различных национальных комитетов (русских, белорусских, украинских и др.);

– военное сотрудничество с врагом выражалось в участии советских граждан, с оружием в руках в военных действиях на стороне оккупантов;

– административное сотрудничество выражалось в участии советских граждан в деятельности созданных оккупационными властями местных органов управления;

– хозяйственное сотрудничество выражалось в работе населения оккупированных территорий в промышленности и сельском хозяйстве⁴.

В некоторых публикациях употребляется термин «бытовой коллаборационизм». Однако вряд ли можно признать вынужденное сотрудничество с врагом на бытовом уровне формой коллаборационизма. Это подтверждает и Б.Н. Ковалев, употребляющий этот термин, отмечая, что «...вряд ли можно называть изменой или предательством в уголовно-правовом или даже нравственном смысле этого слова такой бытовой коллаборационизм, как, например, размещение на постой солдат противника, оказание для них каких-либо мелких услуг (штопка белья, стирка и т. д.)»⁵.

Наряду с формами коллаборационизма, выделяются также «вид сотрудничества», такие как:

– активное – граждане по собственной воле вступают в сотрудничество с врагом своей Родины, вследствие чего причиняют ей вред, знают о таких последствиях и желают их наступления (явные антикоммунисты, лица, «обиженные» советской властью; форма сотрудничества может быть любая, чаще – политическая и военная);

– вынужденное – граждане не по своей воле вступают в сотрудничество с врагом своей Родины, вследствие чего причиняет ей вред, они знают о таких последствиях, не желают их наступления, однако не способны их предотвратить (лица, привлекаемые, как правило, к административной или хозяйственной деятельности при-

² Ковалев Б.Н. Коллаборационизм в России в 1941-1945 гг.: типы и формы. Великий Новгород, 2009. С. 8.

³ Пережогин В.А. Вопросы коллаборационизма // Война и общество, 1941-1945: В 2 кн. Кн. 2: научное издание. М., 2004. С. 293.

⁴ Мамонов М.А. Советский коллаборационизм в годы второй мировой войны: проблема и ее интерпретация на уроках истории // Проблемы изучения и преподавания истории культуры. Воронеж, 2005. С. 117.

⁵ Ковалев Б.Н. Советское законодательство о коллаборационистах в годы Великой Отечественной войны // Вестник Новгородского гос. ун-та. 2009. № 51. С. 13.

нудительно, под страхом наказания, либо вынужденные служить оккупантам из страха за жизнь и здоровье своих родных и близких);

– пассивное – граждане в полной мере не осознают того, что вступают в сотрудничество с врагом своей Родины, вследствие чего причиняют ей вред, не задумываются о таких последствиях и не желают их наступления (например, крестьянин, выращивающий хлеб, который необходим и коммунистам и фашистам. В данном случае возможно только хозяйственное сотрудничество).

Все указанные формы сотрудничества с оккупационным режимом считаются необходимым условием его существования, основой для проведения успешной оккупационной политики. Нельзя не согласиться с М.И. Семирягой, который говорит о том, что никакая армия, действующая в качестве оккупантов какой-либо страны, не может обойтись без сотрудничества с властями и населением этой страны. Без такого сотрудничества оккупационная система не может быть дееспособной. Она нуждается в переводчиках, в специалистах-администраторах, хозяйственниках, знатоках политического строя, местных обычаев и т.д.⁶

Сотрудничество населения с оккупационными властями имело место и на территории современной Белгородской области в 1941-1943 годах.

В большинстве архивных документов описываются отдельные случаи такого сотрудничества, однако некоторые источники содержат определенную аналитическую составляющую, даже классификацию.

Так, в докладной записке Ивнянского райкома ВКП (б) в организационно-инструкторский отдел обкома партии не только проведен анализ деятельности коммунистов, оставшихся на оккупированной территории, но и сделана попытка классификации коммунистов – пособников оккупационных властей, приведены примеры их деятельности в период оккупации, а также описаны ее последствия для провинившихся.

К первой группе отнесены прямые пособники, которые активно помогали оккупационным властям: составляли списки советского и партийного актива для гестапо, выявляли партизан, граждан, помогающих партизанам. Кроме того, эти предатели выявляли лиц, недовольных советской властью для привлечения к сотрудничеству с оккупантами. Впоследствии все лица данной группы, оставшиеся на освобожденной территории (не ушедшие с отступающими фашистами) были арестованы.

Вторую группу составили коллаборационисты, чья деятельность не была связана с выявлением и уничтожением участников сопротивления оккупационному режиму. В частности, один из коммунистов не выполнил приказа об эвакуации, оказавшись на оккупированной территории, публично отказался от принадлежности к партии. Другой – активно помогал восстанавливать тракторный парк, приведенный в негодность при отступлении советских войск. Еще один коммунист, бывший председатель колхоза написал следующее заявление: «В партию я вступил как неграмотный, ничего общего с партией не имею, не желаю воевать против немецкой армии, поэтому прошу наделить меня земельным паем». Ему была выделена земля 0,75 га, которую он обрабатывал. Лица данной группы впоследствии исключены из партии.

К третьей группе отнесены члены партии, не выполнившие распоряжения об эвакуации по уважительным причинам (указано: «болезнь и другие причины»), в период оккупации проявляли пассивность, не вели пропаганду против оккупационных властей, ничем не способствовали борьбе с фашистами. По сути, данная группа не была отнесена к коллаборационистам – особых санкций для этих лиц не последовало, они даже оставлены в партии⁷.

Данный вопрос решался неодинаково в разных районах. Так, после войны многие коммунисты Ровеньского, Шаталовского и других районов были исключены

⁶ Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 5.

⁷ Центр документации новейшей истории Белгородской области (далее ЦДНИ БО). Ф. 15. Оп. 1. Д. 110. Л. 2, 6.

из партии с формулировками «за примиренчество с фашистскими порядками», «непроведение работы в тылу врага», «за трусость и пассивность» и т.п.⁸

Спорным среди российских историков вопрос о причинах и мотивах сотрудничества советских людей с оккупантами. Некоторые историки считают, что переход на сторону оккупантов происходил по политическим мотивам для борьбы с советским режимом, т.е. в период Великой Отечественной войны была продолжена гражданская война между сторонниками советского режима и его противниками⁹.

Немало подобных лиц было на Белгородчине. Так, на территорию Ровеньского района в период оккупации вернулось свыше 100 кулацких семей, ранее сбежавших либо высланных. Многие из них отыскивали свое имущество, занимали «свою» землю и сводили счеты с советскими людьми¹⁰.

Эти лица, несомненно, относятся к группе активных коллаборационистов. Сотрудничество с оккупантами в описанном случае осуществлялось преимущественно в хозяйственной сфере, однако именно на совести подобных предателей, «сводивших счеты» с соседями, лежит гибель большинства подпольщиков и партизанских разведчиков¹¹, что приравнивает таких лиц к военным коллаборационистам.

К собственно военным коллаборационистам относятся лица, участвующие в боевых действиях на стороне противника. Данных о таких лицах в открытых архивах Белгородской области не имеется. Есть только косвенные свидетельства. Так, после освобождения с. Ближняя Игуменка у одного из граждан были найдены письма бывших жителей села, которые пишут, что они служат в немецкой армии, живут хорошо, стоят около Киева, возможно скоро получат отпуск и приедут на побывку¹².

К военным коллаборационистам можно отнести и служащих полицейских формирований. В числе первых пошел на работу в белгородскую полицию уроженец Белгорода Г.И. Федоровский. Он указал, что является сыном крупных торговцев, которые не смогли развернуться при советской власти, а также, что течении ряда лет перед войной уклонялся от службы в Красной Армии. Федоровский участвовал в многочисленных расстрелах советских граждан, других карательных мероприятиях, дослужился до заместителя начальника городской полиции¹³.

В подручных у Федоровского ходил полицейский по кличке «Мамай» - И.С. Мамаев, которого впоследствии немцы за усердие сделали начальником полиции пос. Микояновка. Однажды они казнили горожанина, снабжавшего партизан продовольствием. Федоровский надел на него петлю, а Мамаев ударом ноги вышиб табурет из-под ног жертвы. Однако веревка оборвалась и тот упал на землю. Федоровский достал пистолет и убил горожанина выстрелом в голову, а потом они вместе с Мамаевым повесили казненного, усмехаясь: «Раз приговорили повесить – значит должен висеть. У немцев на этот счет строго – порядок любят»¹⁴.

После войны в руки сотрудников органов госбезопасности попал список личного состава Белгородской городской полиции: начальник полиции С.Н. Беланов, сменивший его впоследствии Г.Е. Ушаков, зам. нач. полиции Г.И. Федоровский, начальники участков И.С. Мамаев и Н.И. Терещенко, инспектор участка, а затем командир особого жандармского взвода Г.В. Зырянов, полицейский И.Г. Щурок и др. Прав С. Еремин, говоря, что эти имена мы тоже должны помнить¹⁵.

⁸ ЦДНИ БО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 142. Л. 1-44; Д. 130. Л. 73 (об); Ф. 24. Оп. 1. Д. 219. Л. 8-13.

⁹ См.: Журавлев Е.И. Гражданский коллаборационизм в годы немецко-фашистской оккупации (1941-1943 годы): на материалах юга России // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2009. № 16 (154). Вып. 32. С. 67.

¹⁰ ЦДНИ БО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 175. Л. 12.

¹¹ Государственный архив Белгородской области (далее ГАБО). Ф. Р-1517. Оп. 1. Д. 22. Л. 8.

¹² ЦДНИ БО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 232. Л. 13 об.

¹³ См.: На верность Отечеству. Воспоминания сотрудников органов госбезопасности Белгородчины в очерках, документах, фотографиях / сост. В.М. Рябков, С.Г. Ефимов. Белгород, 2000. С. 72-73.

¹⁴ См.: Там же. С. 75.

¹⁵ Там же. С. 80, 83.

В большинстве случаев на Белгородчине речь шла не о политическом выборе, а о стратегии выживания, «некоторые люди были вовлечены обманом, но многие согласились надеть полицейские знаки отличия из-за сиюминутных, корыстных побуждений»¹⁶. Анализ архивных документов подтверждает эти слова.

В своих воспоминаниях¹⁷ комиссар белгородского партизанского отряда А.Т. Сиверский пишет: «...удивляло то, что некоторые лица, считавшиеся до войны хорошими людьми и работниками советских органов, добровольно и с охотой перешли на службу к фашистам и стали активно им помогать».

Коммунист Заскалько состоял на службе у фашистов в должности старосты, активно выполнял распоряжения оккупационных властей, снабжал их продуктами питания, выдал двух беглых военнопленных красноармейцев немецкой жандармерии, штрафовал колхозников за невыход на работу и порезку свиней, проводил ремонт мостов и дорог...

Коммунист Омельченко, оставаясь в оккупации по заданию партии, перешел на службу к немцам в качестве управляющего МТС, ремонтировал тракторный парк, извлек и восстановил спрятанное мехоборудование...

Коммунист Ткачев работал старостой общины, снабжал фашистов продовольствием, участвовал в облавах, проводил обыски у колхозников...¹⁸

Перечисленные примеры характеризуют случаи активного коллаборационизма в военной, административной и хозяйственной сферах.

В докладной записке в обком партии секретарь Алексеевского райкома ВКП(б), пишет о коммунистах, кандидатах в члены ВКП(б) и комсомольцах, специально оставленных на оккупированной территории для содействия организации сопротивления оккупационному режиму. Сказано буквально следующее: «Большинство коммунистов оказались трусами и покорно начали работать на оккупантов»¹⁹.

Секретарь Ровеньского райкома ВКП(б) пишет, что большинство коммунистов, оставшихся на оккупированной территории, не вели никакой борьбы против оккупантов, старались быть незамеченными, «сохраняли от репрессий самих себя, а в ходе проверки, жаловались, что со стороны немцев терпели якобы репрессии, что у кого из них отняли пальто, у кого брюки, корову и т.д.»²⁰.

Следует подчеркнуть, что старостами и на иные административные должности оккупанты старались назначить лиц, имеющих хоть какой-то опыт управления. Так, в Ровеньском районе на фашистов работали бывший директор МТС, председатель колхоза, председатель сельского совета, заведующий учетом заготовок и др.²¹

Причем и после освобождения Белгородчины, скрыв факты сотрудничества с оккупантами, эти лица продолжали работать на руководящих должностях. Так, в 1944 году 19 человек – председателей колхозов Корочанского района – были разоблачены как приспешники фашистов и сняты с работы²² (эта цифра сама по себе многое говорит о масштабах коллаборационизма, хотя по известным причинам к подобным данным следует относиться с определенной осторожностью).

К вынужденному коллаборационизму мы относим те случаи, когда советским гражданам, не стремящимся к работе на оккупантов, приходилось, по причинам субъективного либо объективного характера, в той или иной форме сотрудничать с фашистами.

С.А. Никифоров описывает один из способов назначения старост, прекрасно иллюстрирующий данный вид коллаборационизма. Для своего аппарата управления гитлеровцам не всегда удавалось находить подходящих людей, и поступали они

¹⁶ См.: Ковалев Б.Н. Коллаборационизм в России в 1941-1945 гг.: типы и формы. С. 58.

¹⁷ ГАБО. Ф. Р-1517. Оп. 1. Д. 22. Л. 11.

¹⁸ ЦДНИ БО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 219. Л. 11.

¹⁹ ЦДНИ БО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 276. Л. 22.

²⁰ ЦДНИ БО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 219. Л. 10.

²¹ ЦДНИ БО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 175. Л. 12.

²² ЦДНИ БО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 207. Л. 50.

очень своеобразно. Старостами деревень или даже бургомистрами волостей назначали первых попавшихся колхозников, которых в этом случае заставляли подписывать стандартные обязательства²³.

Член ВКП (б) Дармин работал на оккупантов в качестве зав. валяльной мастерской. После освобождения района в докладной записке он написал: «Коммунистом я думал быть, если останусь в живых сам, если не израсходуют немцы. В настоящее время даю обещание: работать по большевистски и быть коммунистом». Секретарь Ровенского райкома Кудланов так прокомментировал эти слова: «Дармин находил нужным быть коммунистом, когда его жизни не угрожала опасность»²⁴.

Что касается пассивного коллаборационизма, то это значительно более распространенное явление, чем нейтральное поведение. Здесь имеется в виду только хозяйственная сфера – расчистка снега, ремонт дорог, возвращение к своей профессиональной деятельности, которой гражданин занимался до оккупации, особенно – крестьянский труд (и, соответственно, выполнение в той или иной степени норм сдачи продовольствия оккупационным силам). Большинство советских граждан не расценивало это как сотрудничество с врагом. Во многих случаях оно таковым и не являлось.

Кандидат в члены ВКП (б) Ряднов отказывался от работы на оккупантов. Проводил активную политику среди колхозников за срыв молотбы и других работ. Под страхом виселицы позднее ходил на сельхозработы, но продолжал открыто заявлять о победе Красной Армии. Был арестован полицией, но через 4 дня отпущен. В дальнейшем против оккупантов не выступал, занимался сапожничеством²⁵.

Нельзя не согласиться со словами Е.И. Журавлева, который отмечает, что сложно выявить ту грань, которая отделяет простое взаимодействие с оккупантами от сотрудничества с ними.

Формы коллаборационизма в целом, в разной степени, «формально и потенциально» поддерживали оккупационный режим. Возможно, именно такая последовательность суждений была характерна и для советских органов власти послевоенного периода, когда в личных делах граждан появился пункт «проживание на оккупированной территории».

Из выше изложенного можно отметить, что существуют различные классификации форм коллаборационизма. В данной статье предложена классификация по виду сотрудничества. Активные коллаборационисты, особенно военные и административные – это те, кто характеризовался как палачи, предатели. Вынужденное сотрудничество с режимом вызывало несколько менее негативные оценки (прохвост, трус, фашистская подстилка). Различить пассивных коллаборационистов и собственно нейтральных граждан непросто. Абсолютно нейтральными гражданами (в соответствии с научными определениями коллаборационизма), не приносящими ни вреда, ни пользы оккупационному режиму, можно считать только тех, кто вовсе не был способен работать (глубокие старики, маленькие дети). Тех же, кто умело уклонялся от трудовой повинности, уже можно причислить к сопротивлению (саботаж планов оккупационных сил).

В заключение следует отметить, что коллаборационизм на территории Советского Союза, оказавшейся временно подконтрольной немецкой оккупационной армии, массового характера не принял. В тяжелейшие годы войны советское руководство прекрасно понимало: залогом Победы может быть исключительно консолидация народа. И вышеизложенное не отменяет убеждения, в том, что реальные масштабы советского коллаборационизма не могут поставить под сомнение вывод о единстве советского общества как одном из источников нашей победы в Великой Отечественной войне.

²³ Никифоров С.А. Указ. соч. – С. 59.

²⁴ ЦДНИ БО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 219. Л. 9.

²⁵ ЦДНИ БО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 219. Л. 11.

COLLABORATION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (IN MODERN BELGOROD REGION IN 1941-1943)

M.I. VARFOLOMEEVA

*Belgorod National
Research University*

e-mail: varfolomeeva@bsu.edu.ru

The given article is devoted to the occupational policy of Nazi power in modern Belgorod region in 1941-1943. The author uses the archive materials of Central Black-Earth and Belgorod region which help to reveal the characteristic features of cooperation of the population with the enemy.

Key words: occupied territory of the modern Belgorod region, Forced cooperation with the fascist.